

Николай Иванович Костомаров

**Русская республика
(Севернорусские
народоправства во времена
удельно-вечевого уклада.
История Новгорода, Пскова и
Вятки).**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 93
ББК 63.3

Николай Иванович Костомаров

Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). / Николай Иванович Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2011. – 412 с.

ISBN 978-5-4241-1735-0

Николай Иванович Костомаров (1817 - 1875) - русский историк, один из руководителей Кирилло-Мефодиевского общества, автор многочисленных работ по социально-политической и экономической истории России и Украины.

ISBN 978-5-4241-1735-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

ББК 63.3(0)51 К 72

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

С.Е.Угловский, П.С.Ульяшов, В.Н.Фуфурин

Художник В.Бобров

К72

Костомаров Н. И.

**Русская республика (Севернорусские народоправства во времена
удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки).**

Исторические монографии и исследования.

(Серия "Актуальная история России").

М.: "Чарли", Смоленск "Смядынь", 1994. — 544 с.

ISBN 5-86859-020-1

К

4306000000-378 6С5/03/-94

без объявл.

© Разработка серии, П.Ульяшов, 1994

© Худож. оформл.,

"Чарли", 1994

Все права на распространение книг принадлежат фирме "Чарли".

Контактный телефон: 233-08-07.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Отношения Великого Новгорода к прочим землям русским и ко княжескому роду

I. Сказочные предания о поселении славян в Приильменском крае

Русско-славянский народ разделяется на две ветви, различаемые, в отношении к речи, по двум главным признакам: одна переменяет о в а — там, где над этим звуком нет ударения и с произносятся как мягкое е; другая — сохраняет коренной звук о и произносит с как мягкое и. К первой принадлежат белорусы и великорусы, ко второй — малороссы или южнорусы и новгородцы. Затем существует множество второстепенных особенностей речи, составляющих местные наречия и поднаречия. Это разделение русско-славянского племени на две ветви сообразно с той двойственностью славянского поселения на русском материке, которая открывается из нашей первоначальной летописи. Одни славяне помещаются в группе пришедших с Дуная вследствие нашествия на их отечество волохов (итальянцев-римлян); другие, как например: кривичи, радимичи и вятичи, не принадлежат к этой колонии. На протяжении Северной Руси эта двойственность резко выказывается. Белорусы, без сомнения, есть прежние потомки кривичей; великорусы, как показывает относительная близость их наречия с белорусским, имеют также кривскую основу, но по историческим обстоятельствам обособились и сформировались в настоящем виде, со всеми своими этнографическими отделами через смешение с вятичами, южнорусами и новгородцами при более или менее (в разных местностях) подмеси финского, финско-турского, татарско-турского и монгольского племен. Новгородцы, принадлежа первоначально к ветви славян, пришедших с Дуная, утвердившись на берегах Волхова и Ильменя, распространили отсюда свою колонизацию преимущественно на север и восток, отчасти на юг и на запад, и, соприкасаясь с белорусским и великорусским элементами, внесли в них свои особенности, произвели смешанные переходные типы, где признаки, составляющие характер той и другой ветви, сливаются и переплетаются между собой, а столкнувшись с северными финскими племенами, поглощали их в свою славянскую народность.

Во многих наших хронографах XVI и XVII веков записана сказка, которую едва ли мы имеем право оставить в полном пренебрежении, хотя в ней действительно есть явные нелепости. Эта сказка носит название "О истории ежы от начала руския земли и создании Новагорода". В ней рассказывается, что потомки Афета — Скиф и Зардан, отлучившись от прочей братии, поселились на берегах Эвксипонта; потомки их там обитали долгое время, пока между ними не возникло междоусобие; тогда часть их, под предводительством Словена и Руса, решила оставить свое местопребывание, и пошли они искать себе нового отечества. Двигаясь на неизвестный им север, они дошли, наконец, до озера, которое по-белорусски называлось Мойско, отсюда вытекала река, носившая на том же языке древних тамошних туземцев название *Мутная*. Пришельцы начали гадать,

и волшебная наука указала им, что именно здесь следует им основаться на жительство. Тут при истоке реки поставили они город и поселились. Озеро переименовали, по имени дочери Словена, в Ильмер, а реку по имени сына словенова Волхва — Волхов. Потом они переименовали другие местности по именам членов семейства своих предводителей: реку, впадающую в озеро Ильмень, назвали Ше-лонью — по имени жены словеновой, Шелони; именем меньшого сына словенова, Волховца, назвали оборотный проток, текущий из великой реки Волхова и обратно впадающий в нее; сын Волховца, Жилотуг, утонул в другом таком же протоке, — и в память его оставили за протоком его имя. Другой брат словенов, Рус, поместился у соляного колодца и основал город, названный по его имени — Руса; одной из рек, текущих в этих местах, он сообщил имя жены своей — Порусии, а другой — имя своей сестры — Полисты. О Волхве рассказывается следующая история:

"Волхв бе и бесоудник и чародей лют, и быст бесовскими оухищрении мечты творя многи, преобразуяся во образе лютаго зверя коркодила и залегание в той реце Волхове путь водный, и не поклоняющихся ему, овех пожираше, овех же испротерзаше и утопляя. Народи тогда невегласи сущи богом того окаяннаго нарицаху, сыном грома его или Перуна нарекоша; белорусским же языком гром Перун именуется. Постави же он окаянный чародей, таковых ради мечтаний и собирания бесовскаго, градок мал на месте некоем, зовомом Перыня, идеже кумир Перун стояще, и баснословят о сем Волхве невегласи, глаголют в бога его окаяннаго претворяюцася, наше же христианское истинное слово с неложным истязанием о том много виде о сем окаяннем чародеи Волхве, яко зле разбиен бысть и удавлен от бесов в реце Волове, извержен на брег против волховскаго градца, иже ныне зовется Перыня, и со многим плачем ту от невегласов погребен бысть окаянный с великою тризноуб и могилу ссыпаше над ним велми высоко, якоже обычай есть поганым, и по трех убо днех окаяннаго того тризнища проседя земля и пожре мерзкое тело коркодилово и могила его просыпая с ним купно во дно адово, идеже и донныне, якоже поведает, знак ямы тоя не наполнит-ся". Преемники Словена и Руса во многих поколениях княжили над окрестной страной и распространили пределы своих владений на севере до Ледовитого моря, овладели берегами Печоры, Вы-ми, перешли за высокие горы в страну, где водятся соболы, воевали даже до египетских стран¹. Потом край Приильменский постигла моровая язва, и жители, спасаясь от гибели, разбежались: одни поселились на Белом озере, другие на Темном и прозвались Весь² Тогда опустели Словенск и Руса на многие лета. Но потом, когда на славян напали угры-белые и повоевали их и разметали их грады и довели Славянскую Землю до окончательного запустения, услышали славяне про земли прадедов своих, что лежат они в запустении, и отправились туда. Снова завоевали они берега Ильменя и поставили себе город и уже не на прежнем, а на новом месте, выше старого, и назвали его Великий-Новгород. "Град же поставиша от стараго Словнска близ к Волхову реки, яко поприще и боле, и нарекоша его Нов-град-Великий". Они избрали себе князя-старейшину, именем Гостомысла, возобновили Русу и другие города на прежних местах, а сын Гостомыслов, Словен, отошел от родителя своего в Чуд и поставил город над рекой на урочище, называемом *Хол-ниис*, и назвал его Словенском; прокняжив в нем три года, он умер; сын его проименовал по имени своему этот город Избор-ском. Этот новый князь славянского населения

в Чудской Земле умер от укушения змеи.

Гостомысл достиг глубокой старости. Он чувствовал, что приближается смерть. Мудрый муж был сед не только волосами, но и умом; он созвал к себе славенских властелей и извещал, что скоро его не будет на свете, изъявлял опасение, что после него настанет мятеж и неурядица, и советовал избрать себе князей из Прусской Земли, с берегов Варяжского моря. Гостомысл скончался и честно проводили его в могилу на Волотовом поле.

Не тотчас исполнили новгородцы гостомыслово завещание, пока не произошло действительно междоусобия. Земля полян, Киев, имела первенство над другими славянскими народами в России. Племянники князя киевского Кия, Оскольд и Дир, повелевали древлянами и кривичами, посягали и на славян новгородских. Это произвело в самом Новгороде раздоры, волнения и усобицы. Они заставили новгородцев, кривичей, Мерю, Вель и Чудь (т.-е. изборских славян, поселенных в Чудской Земле) призвать с варяжского поморья из Прусской Земли князя Рюрика с двумя братьями его¹.

В этой сказке следует отличать книжные вымыслы грамотея, писавшего ее под влиянием тогдашней учености, от народных сказаний, которыми он воспользовался, и которые отчасти сохранились в изустных местных преданиях. Поселенцы на берегах Ильменя и Волхова представляются пришельцами с юга, но сказка не говорит, что страна эта прежде была пуста: напротив, сказание о том, что Волх превращался в змия и залегал пути, показывает, что народное воображение представляет край уже заселенным, прежде чем пришли поселенцы с юга, ибо залегать путь можно было тогда только, когда по этому пути было людское движение и сообщение. Между насельниками, которых на севере нашли пришельцы с юга, сказание признает славян. Река, переименованная пришельцами в Волхов, прежде называлась славянским именем Мутная. Эти славяне изображаются белорусами, т.-е. кривичами, ибо название Перуна сказание признает белорусским. Таким образом, по смыслу этого сказания, край Приильменский издревле населяли славяне отрасли белорусов, т.е. кривичей, а потом с юга по двинулись к ним другие единоплеменники, иная отрасль славянского племени³.

Обращаясь к наречию новгородского края, можно удостовериться, что сказка в основе своей не лишена исторической действительности. Несмотря на этнографические потрясения, испытанные новгородским краем, все еще можно видеть и теперь, что здесь существовало наречие славянского корня южного происхождения, приближающееся к южнорусскому и отчасти к словацкому, но имеющее много своих самобытных признаков, и во всяком случае дававшее народу, употреблявшему его, колорит, не сходный с белорусским и восточно-русским населением. Восстановить это наречие по современным оттенкам и по древним остаткам из древних актов и летописей невозможно, во-первых, потому, что в последние четыре века потомки древних новгородцев сильно смешались с наплывом восточно-русского племени; во-вторых, что влияние так называемой цивилизации, распространяющее в сельском народе городскую речь и городскую манеру выражения, парализовало правильность форм древнего наречия. Тем не менее в разных деревнях новгородского края, между прочим, особенно в Паозерье (на правом побережье Ильменя), в Ладожском уезде и в некоторых местах Олонецкой и отчасти Архангельской губерний можно еще уловить следы прежнего наречия, которым говорили новгородцы. Это — произношение с как и,

подобно южнорусам, неизменяемость *о* в *а*, отличающая вообще северный говор от московского и кривичского, отсечения: последних гласных в прилагательных и причастиях, окончания *т* в правильном наклонении глаголов не только в единственном числе, но и во множественном, изменения *е* в *о* в некоторых словах сходно с южнорусским (напр., *чоловик*, *жона*, *чотыри*), изменение *е* в *у* в некоторых односложных и двухсложных, напр., *суль* вм. *соль*, *горузно* вм. *грозно* (форма почти вышедшая из употребления в большей части слов). Своеобразное сходство винительного с именительным и во множественном числе творительного с дательным, замена звука *л* звуком *в* в прошедших глаголах (*ходив* вм. *ходил* — форма также угасающая и не повсеместная); замещение одних слогов другими в некоторых многосложных словах (напр., *намастир* вм. *монастырь*), *що* в.м. *что*, *як* в.м. *как*; изменения многих ударений своеобразным способом; *ч* в.м. *ц* и *и*, в.м. *ч* (форма также не повсеместная) и множество слов, не употребляемых в великорусском наречии, часто таких, которые встречаются в южнорусском, а часто исключительно местных.

По целой Новгородской волости была не одна только пришлая с юга народность ильменских славян, — постоянно оставался с нею вместе кривичский элемент. Это ощутительно и теперь, ибо на берегах Щелони видны признаки белорусского наречия. Псков со своей областью представляет уже основу кривскую или белорусскую, с примесью новгородского элемента. Наречие древней Псковской области сохранило следы общие, свойственные белорусскому наречию. Это делает еще более вероятным известие, указываемое преданием, что в землях Новгорода и Пскова, до поселения в них пришельцев с юга, уже находились славяне поколения кривичей, и давали местностям прозвища своим языком, называемым в повести белорусским.

Таким образом я осмеливаюсь находить в сказке тот исторический элемент, что в землю, где впоследствии образовалась земля Великого Новгорода и Пскова среди аборигенов — Чуди, проникли первоначально кривичи, потом с юга, вследствие народных потрясений, двинулась воинственная колония другой ветви славян, близкой, а всего вероятнее единой с той, из которой образовался нынешний южнорусский и малороссийский народ. Эта колония стала в новом своем отечестве господствующей, так что белорусские поселенцы или смешивались с пей, или выступали прочь. Вместе с тем тогда же началось и подчинение Чуди, а па раннее отношение к ней указывает самое слово *Волхв*, которое есть чудское *voĭho* и оттуда занесено по всю Россию с севера через посредство ильменских славян. Оставление за ильменскими поселенцами имени славян, в отличие от кривичей, указывает, что северные народы славянского племени называли вообще таким именем живущих на юге своих соплеменников, а потому за пришельцами оставили это генетическое имя.

Что касается до прозвищ местностей именами живых лиц, то этому факту по его основе нельзя отказать в народности. Мы встречаем и в Киевской Руси подобное: там по именам братьев *Кия*, *Щека* и *Хорева* названы урочища, а именем сестры их — река *Лыбедь*. О реке *Дунае* сохранился миф, что в эту реку превратился человек. Названия местностей по именам лиц особенно свойственны народному славянскому эпосу, как и другим народам. Но, очевидно, не все известия, находящиеся в сказке в том виде, в каком сказка до нас дошла, взяты с народного голоса; некоторые отзываются явными натяжками и неловким составлением.

Напр., Поруся или Малый Волховец: такие имена народ едва ли создаст, ибо слово Поруся указывает непосредственно на местность; также и эпитет Малый очевидно принадлежит уже понятию о реке, безотносительно к какому бы то ни было мифу. Что касается до проименования Волхова от имени Волхва, то это несомненно взято из древнего народного предания. Предания об этом Волхве, о его чародействах, о залегании пути по реке, о его смерти и о наименовании реки его именем до сих пор живут в народной памяти. Народ знает, что река Волхов называлась прежде Мутною, а Ильмень-озеро — Мойско-озеро. Название протока Жилотуг хотя, сколько известно, не оставило до настоящего времени какого-нибудь предания, но оно вероятно также соединялось с угасшим мифом; потому что это название, очевидно, по своему значению человеческое и только с человеческого имени могло быть перенесено на местность. Остальные все несомненно выдуманы книжником, который дополнил ими короткую народную номенклатуру преданий, вероятно, уже и тогда потерявших свою определительность. Известие о моровой язве, от которой люди бежали и населили Белоозеро и Весь, имеет историческое основание. Вероятно, в памяти народа оставалось какое-то темное воспоминание о страшном бедствии, заставившем поселенцев подвигнуться на восток. Это предание несколько поясняет нам и то, каким образом впоследствии Весь была участницей в призвании варягов; ибо этот факт кажется возможен тогда только, когда в этой стране утвердилось уже славянское народонаселение. Сказка говорит, что после этой свирепой моровой язвы край надолго опустел, города обезлюдели, и потом снова уже совершился второй прилив славянского народонаселения, которое пришло туда по сознанию, что это была некогда земля предков. Далее у книжника все перепутано. Уже по втором заселении края пришли на поселенцев угры-белые и повоевали их до конца, и после того сделалось еще третье переселение. Автор отнес сказание об уграх-белых к северу, тогда как оно относится положительно к югу. В этот раз, по сказанию, пришли уже не одни славяне, но привели с собой и болгар и других инородцев, и населили землю, и поставили город, но уже не на месте прежнего Словенска, а ниже, на Волхове, и называли его Новым-Городом. Отбрасывая форму выражения у автора, украсившего народное предание книжной мудростью, останется то, что в Новгороде пребывало воспоминание о бедствии, изгнавшем некогда народонаселение из края (голод и язва — одно из явлений обычных и впоследствии), и потом о приливе в этот край народонаселения вновь и об основании нового города вместо прежнего. Без сомнения, либо край был опустошен не до такой степени, чтоб в нем не оставалось никаких следов прежнего населения, либо же опустение его было недолговременно, когда новое заселение произошло по свежим преданиям о прежнем жительстве.

II. Призвание варяжских князей

Из летописи, за которой усвоено название Несторовой, мы видим, что в глубокой древности существовало предание, что новгородские славяне и жители прилежащих к ним стран покорены были варягами и обложены данью, но скоро покоренные народы соединились и изгнали поработителей за море. Вслед затем между ними произошли несогласия и они, не в силах будучи сами между собой уладиться, призвали к себе для управления князей от других варягов⁴ Это событие, чрезвычайно важное для нашей истории, означено в летописи неясно и по

своей короткости представляет множество недоразумений и поводов ко всевозможнейшим догадкам, доставляющим широкое поле воображению, которое тем необузданнее может увлекаться, чем менее доступен знанию быт такого отдаленного от нас времени. Для нас здесь важны три вопроса: кто призвал князей, кто были призванные и для чего они призваны?

Народы, обложенные от варягов данью, изгнавшие их и призвавшие потом других варягов, были новгородские славяне, кривичи, Меря и Чудь. Уже потому, что они вместе делали одно общее дело, видно, что между ними существовала тогда связь. Связь эта должна была исходить: во-первых, из племенного родства и древней колонизации славян на финском севере, и, во-вторых, из временных обстоятельств, побудивших эти народы к взаимной деятельности.

Многое заставляет подозревать, что в IX-м веке и Весь и Меря, народы финского происхождения, участвовали вместе со славянами-новгородцами и кривичами в призвании русских князей только по имени; в самом же деле на них уже тогда легла власть славян. Несомненно то, что в их землях жили славяне: это показывают названия городов, которые были главами этих земель: Белоозеро и Ростов — названия славянские; конечно, если б там не было славян, этих названий не существовало бы. Да и построены они были славянами: в те времена город продолжал называться таким именем, каким прозван был сначала, даже и тогда, когда переходил во власть иного народа. Если же в землях Веси и Мери города носили славянские названия, были построены славянами, и во времена призвания князей ими населены, то уж, без сомнения, эти славяне были господствующим народом над финскими народами, точно так же, как славяне играют ту же роль в продолжение веков до нашего времени, живучи вообще между племенем чудским; и эти-то славяне собственно призвали князей, да и к самому призванию, между другими поводами, вероятно, побуждала их необходимость удержания в повиновении подвластных инородцев. Доказательством раннего распространения славянского племени в этих странах служит скорое образование там отдельных княжеств, — явное присутствие многочисленного славянского народонаселения, равно и то, что в Ростовско-Суздальском крае туземная народность исчезла рано. Образование русского княжества было бы невозможно в стране, обитаемой исключительно чудским или каким бы то ни было чуждым народонаселением, без достаточной славянской колонизации, которая бы составляла силу, господствующую до такой степени, что край потерял бы уже свой первообразный этнографический характер; и действительно, там, где славянская колонизация была незначительна, удалена от сплошной славянской народности, там не могли утвердиться княжества и земли не получали значения самостоятельности в русской удельной федерации, — так, отдаленная Тмутаракань скоро выбыла из области русских земель; новгородско-чудские области постоянно находились под властью Новгорода и, следовательно, под господством славянского элемента, — однако княжества и земельной автономии там не образовалось, между тем как Псков, с его сплошным славянским населением, составлявший прежде со своей областью часть Новгородской страны, скоро показал начала самостоятельности. Чудские народы, как скоро между ними не было достаточно славянского элемента, управлялись сами собой и держались в повиновении славянам страхом пришествия вооруженной силы и образовавшейся впоследствии времени привычкой платить дань. Весь, Меря и сопредельная последней Муромы, появившись на

первой странице наших летописей, почти не показывают потом самобытного существования. Если б эти народцы не были издревле слишком подавлены русско-славянским населением, то где-нибудь и как-нибудь проявили бы противодействие, и, конечно, летописцы хотя бы вкратце намекнули об этом. Как в земле Веси (Белозерской), так и Мери (Ростовской), вероятно, славянские колонисты были новгородской отрасли; что касается до первой, то наречие, господствующее там в пароде до сих пор, сохраняет яркие особенности новгородского, даже в более своеобразном виде, чем где-нибудь; между тем этот край в последующие времена не принадлежал к Земле Великого Новгорода.

То же делалось и с Чудью. Чудью назывались финские народы, жившие около Чудского озера, и далее в Ливонии. Под Чудью, участвующей в призвании князей, разумеется часть этой страны, прилегавшая к Чудскому озеру и к Пскову, и уже подвластная славянам; Изборск был ее главным городом, как над Весью — Белоозеро, над Мерею — Ростов. Если бы Чудь эта была та, которая жила позаднее, в Ливонии, то прибывшие князья утвердили бы там свою власть; напротив, мы видим, что славянский элемент, господствуя в Псковской и Полоцкой Землях, подвигался впоследствии уже в Чудскую Землю на запад, как в страну, еще им не занятую, и мало-помалу захватывал там перевес, пока не столкнулся с немецкими пришельцами. Не следует соблазняться тем, что летописец называет чудские племена, когда говорит о призвании союзниками варяжских князей. Известно, что географические названия переживают не только независимость народов, которые сообщили эти имена своей родине, но даже самое существование тех народов. Весь, Меря и находившаяся под господством Изборска Чудь были покорны славянам, следовательно, составляли с ними в географическом отношении — целое. И в наше время Сибирь — слово не русское, а если бы пришлось сказать: "Сибирь этого хочет", то разумелось бы при этом выражении русское население, а не туземные народы, уступившие первенство в своей земле пришлому славянскому элементу: то же можно бы сказать об Астрахани или о Крыме, — названия татарские, и татары живут в краях, которые носят эти названия до сих пор, а самобытности татары не имеют, и древнее географическое имя их земли сделалось достоянием другого народа, одержавшего верх и господство. Призывавшие Варягов-Русь народы были все наголо славяне; этим отстраняются неразрешимые вопросы: как могли появляться в союзе разноязычные племена, тогда как впоследствии мы не видим отношений равноправности между ними; напротив, одно постоянно играет роль господствующего, а другое находится или в зависимости, или в безуспешном сопротивлении.

Связь с Новгородом славянских племен, поселившихся между Весью, Мерею и Чудью, была, напротив, тем естественнее и тем необходимее, что каждая из славянских колоний должна была держаться против чудских племен, живущих в иноплеменном краю.

Чуждое завоевание должно было укрепить эту связь; одни и те же победители поработили все народы, против одних и тех же нужно было бороться. По совершении дела освобождения, сознание необходимости действовать вместе не могло ослабеть уже и потому, что освобожденные народы не были вне опасности; скандинавы-варяги уже давно делали набеги на север русского материка; подчинение ими народов в половине IX-го века было одним из многих подобных фактов, только вероятно одним из резких и чувствительных, когда он мог вызвать

сильное противодействие со стороны покоренных народов. Варяги-победители могли снова нагрянуть, и только усиленной и дружной защитой народов можно было удержать от них на будущее время независимость, как возможно было ее приобрести. Но коль скоро взаимность родственных народов, до сих пор выразившаяся совместной защитой от чужих, довелась до формы постоянного политического союза, тут возникли сложные вопросы, которые не могли порешиться разом, на которые могла дать ответ только в течение долгого времени историческая разработка общественной жизни. За этими вопросами неизбежно последовали недоразумения и столкновения, междоусобия и смуты. Ничего не могло быть естественнее. У народов с простыми первобытными приемами общественной жизни взаимные связи, прежде чем примут определенные и прочные формы, вызывают индивидуальные и местные страсти, внутреннее противодействие связи, и в этой борьбе необходимо бывает прибегнуть к новым мерам, чтоб удержать связь, которой важность чувствуется для существования каждой из частей в общности. Так, славяне русского материка, нуждаясь в поддержании своего союза, обратились к внешней силе и призвали княжеский род из Варягов-Руси.

Кроме славянских колонистов в землях Веси, Мери и Чуди, с новгородцами участвовали в призывании князей кривичи. Какие именно кривичи вошли в союз, призывавший варяго-русов, с точностью определить трудно; летопись говорит, что Рюрик тотчас же посадил своих мужей в Полтеске: следовательно, в этот союз входили полочане, жители берегов Двины и Полоти, которых главным городом, центром околных сел и деревень, был Полоцк. Летописец, исчисляя народы, призвавшие князей, не помещает полочан, но, вероятно, они у него разумеются под именем кривичей; потому что хотя полочане были ветвь пришлых славян, отличная от кривичей, которых летопись не помещает в числе пришедших с Дуная поселенцев, но, поселившись между кривичами, полочане смешались с ними и потерялись в массе превосходившего их числом родственного племени, а потому здесь уже скрываются под общим географическим названием той земли, где жили. В этом смысле летописец, рассказывая о пришествии варягов, говорит, что в Полотске жили кривичи. Но очень может быть, что участвовали в союзе и другие ветви обширного славянского племени, известного под именем кривичей. Очень может быть, что и смольнян также должно считать с полочанами в числе этих кривичей, вступившими в союз, потому что смольняне впоследствии как-то слишком скоро и легко покорились Олегу. Наконец, летопись хотя не говорит прямо, описывая факт призывания, но впоследствии дает повод думать, что киевские славяне-поляне также здесь участвовали. Это видно из того, что когда Олег явился с малолетним Игорем и убил Аскольда и Дира, то сделал это не как завоеватель, а как восстановитель нарушенного права. Он обличал Аскольда и Дира тем, что они не князья и не княжеского рода и указал на Игоря, назвав его настоящим князем. Киевляне покорились ему добровольно, без сопротивления. Очевидно, смысл этого события тот, что киевляне приняли Аскольда и Дира не за тех, чем они были, а за князей и не противились их казни, когда они узнали, что они не князья. Следовательно, они еще прежде имели понятие о том, что им надобно повиноваться князьям, которые должны придти к ним с севера; но это могло быть тогда только, когда киевляне сами прежде изъявляли желание управляться варяжскими князьями и участвовали в призыве их вместе с новго-